

Александр Амфитеатров

МАРЬЯ ЛУСЬЕВА
ЗА ГРАНИЦЕЙ

Москва

RUGRAM

Издатель Иванов В.Ю.

2022

УДК 82-311.6
ББК 84(2)
А63

Текст печатается по изданию:
Амфитеатров Александр Валентинович
Марья Лусьева за границей
СПб.: Прометей (Книгоиздательство Н.Н.Михайлова), 1911.

Амфитеатров, А.
А63 Марья Лусьева за границей / А. Амфитеатров. — М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 338 с. —
(Русский приключенческий роман).

ISBN 978-5-517-09065-2

Второй роман из диалогия о тайной проституции великосветских дам — «Марья Лусьева» и «Марья Лусьева за границей». Интересно, без восхваления и любования, описан быть проститутки в Италии, сам автор дает беспристрастную оценку нравственности Запада и России.

УДК 82-311.6
ББК 84(2)
BIC FC
BISAC FIC000000

© RUGRAM, 2022
© Компьютерная вёрстка, Судаков К. А.
© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В. Ю., 2022

ISBN 978-5-517-09065-2

МАРЬЯ ЛУСЬЕВА
ЗА ГРАНИЦЕЙ

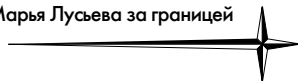
МАРЬЯ ЛУСЬЕВА ЗА ГРАНИЦЕЙ

*Дорогому сотруднику и товарищу
МИХАИЛУ МИХАЙЛОВИЧУ КОЯЛОВИЧУ
посвящаю два тома «Марьи Лусьевой»
в память многих добрых бесед и писем.
Александр Амфитеатров
Fezzano 1911.V. 27*

От автора

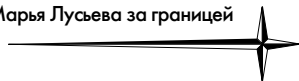
В предисловии к издаваемой ныне «Марье Лусьевой за границей» мне придется весьма немного прибавить к тому, что говорили предисловия и послесловия к трем изданиям «Марьи Лусьевой», но кое-что должен я повторить из сказанного в них. И прежде всего — предупреждающую просьбу к читателю: не видеть в новой «повести» моей даже попытки к художественному обобщенно быта европейской проститутки-одиночки. О художественности в этих быстрых бытовых и публицистических набросках я совершенно не заботился. Причины, почему, тем не менее, я выбрал для обзора такой острой социальной темы форму «повести», я излагал в первом предисловии к «Марье Лусьевой» (1904 г.): общественный фельетон, инсценированный в виде драматического диалога, легче принимается и усваивается девятью читателями из десяти, чем фельетон такого же точно содержания, написанный в виде рассуждения, как «взгляд

и нечто». По-прежнему считаю себя в полном праве сказать: в этой книге нет ни одной страницы выдуманной или вымышленной. Выдумана, конечно, только общая концепция «повести». Да и то, пожалуй, на этот раз не совсем, потому что в 1904 году в Риме я, действительно, встретил в Salone Marguerita {Салон Маргариты (фр.)} русскую немку, совершенно обитальянившуюся, которой обязан весьма многими из рассказов, теперь вложенных мною в уста Фиорины. Словом, вся эта «повесть» — накопление почти сырого материала фактических наблюдений, как непосредственных, так и из первых или вторых верных рук. Проверял я материал этот, как и в «Марье Лусьевой», также и по книжной литературе — и должен сознаться, что латинский Запад изучил свою проститутку гораздо лучше, чем Россия свою, — в смысле общественно-патологического явления. О психологии же ее здесь, наоборот, мало кто заботится, и те шаги, которые в последние 25-30 лет сделаны в этом направлении, преимущественно, французскою изящною литературою, едва ли не всецело вызваны русским влиянием, главным образом, конечно, образами Сони Мармеладовой и Катюши Масловой. Так, например, апофеоз «дешевой проститутки», созданный Марселем Швобом в «Книге Монеллы», даже и начинается как бы гимном в честь Сони Мармеладовой. Но и то вся подобная литература идет из Франции за границу, где и потребляется; западному же буржуа она чужда. Когда француз или итальянец, вдохновясь Толстым или Достоевским, думает написать

судьбу проститутки трогательно, он пишет по сухой, условной схеме фальшивую мелодраму — с притворными слезами, как на тазах автора, так на глазах читателей или зрителей. Так ведь, в конце юнцов, обработали здесь и Катюшу Маслову с Соней Мармеладовой. Буржуа нисколько не верит в ту особенную психологию, которую ищет в мире проституции больная, надломленная совесть славянских и, в последние два десятилетия, еврейских писателей (Шолом Аш, Юшкевич и др.). Для буржуа, в глубине души его, *la fille joyeuse* {Веселая девица (фр.).} (старинное название французской проститутки) — по существу — такая же промышленница на общественный спрос, как всякая другая. Если она, по неизжитому средневековому пережитку, еще покрыта позором, то степень этого позора весьма меняется, в зависимости от ее ренты и, при достаточной высоте последней, т.е. на верхушках проституции, сводится почти что к нулю. Если мы сравним западную изящную литературу о проституции с русской, то удивительна прямолинейная разница в характере и направлении жалости, с которой подходят авторы к предметам своего сочувствия. Я не знаю ни одной яркой литературной вещи чисто латинского происхождения, в которой звучала бы та, полная угрызений общественной совести, чисто моральная скорбь о проститутке, которой потрясают нас Достоевский образами Настасьи Филипповны в «Идиоте» и Грушеньки в «Братьях Карамазовых», Гаршин в «Надежде Николаевне», Толстой в «Воскресении» и т.д. Латинская литература, начиная с аббата

Прево, давала и дает очень сильные и грозные картины ужасов и унижений проституционного промысла (Зола, Гонкуры, Гюисманс, Мирбо, Мопассан), но нетрудно заметить, что вся их скорбь обращается на проститутку-неудачницу и имеет в виду чисто профессиональные бедствия и несчастья проституции: венерические болезни, борьбу с полицией, половое переутомление, алкоголизм, отсутствие заработка, вымогательства и жестокость любовника, раннее увядание и преждевременную старость, потерю красоты, туберкулез и т.п. Сочувствие западного писателя к проститутке, следовательно, строится почти исключительно на экономическом фундаменте. Этого практического элемента не лишена даже старинная трагедия Фантины в «*Les misérables*» {«Отверженные» (фр.).} Виктора Гюго, который умел заглядывать в социальные вопросы глубже и человечнее многих писателей своей расы. Для того чтобы французский писатель оценил ужас проституции, он должен видеть проститутку, которой изменил ее промысел. Если промысел кормит и даже развивает благосостояние, то не только Жаны Лоррэны какие-нибудь, но даже писатели гениальной чуткости, как Гюи де Мопассан, тонкие сентиментальные психологи, как Альфонс Додэ, не идут в изображении проститутки глубже той же старинной и внешней *fille joyeuse*, что царила в литературе XVII-XVIII веков. Разве не благополучнейшее место во Франции «*Maison Tellier*» {«Заведение Телье» (фр.).}, разве не счастливы бытом своим женщины рассказа «*La femme de Paul*» {«Женщина

Поля» (фр.).}, разве не завидно-очаровательна «Сафо»? Европейский писатель (кровный, не подражатель русской школы) жалеет проститутку не за то, что она проститутка, а за то, что у ней может отвалиться нос или развиться скоротечная чахотка, и тогда она на себя не работница и должна опуститься на уровень чудовищной животной нищеты, ужасающей буржуазное воображение, как предел терпения человеческой природы. Мне возразят: а «La Dame aux camélias»? {«Дама с камелиями» (фр.).} Во-первых, это — мелодрама, во-вторых, Маргарита Готье, подобно своей предшественнице, Манон Леско, погибает жертвою совсем не проституции, но фамильной чести Дювалей, которая сурово восстает против союза Армана с *une déclassée* {Деклассированный (фр.).}. Такая же беда одинаково стряслась бы над бедною Маргаритою, если бы она была не дамою с камелиями, но чистейшею крестьянкою с васильком или горничною с анютиными глазками. Для того чтобы факт проституции оскорбил чувства западного писателя на чисто моральной почве, нужно что-нибудь ужасное, из ряду вон омерзительное, нарушающее законы естества, потрясающее основы общества: кровосмешение «Франсуазы», ребенок, запертый в шкафу, и т.п. Да и то не забудем, что подобные «трагические анекдоты» нарушали душевное равновесие у таких могучих и чутких людей, как Бальзак, Мопассан, Зола. Но Жан Лоррэн или Ришар О'Монруа несколько не постеснялись бы сделать из них смехотворные анекдоты, которые и рассказали бы публике превесело и с совершенно спокойною совестью. Проститутку скорбного, вернее даже

будет сказать, мрачного, демонического (и в этом его острое различие от русских) протеста знает в романских странах только поэзия, вышедшая из наследия Бодлэра. Но для этой поэзии — «чем хуже, тем лучше»: в ней много проклятий гнева, много ликующего ада, но святой возвышающей скорби по женщине-человеку, создавшей «Преступление и наказание», «Надежду Николаевну» и «Воскресение», — не ищите, нет. Второстепенные французские авторы, которые, напитавшись Толстым и Достоевским, пробовали отразить эту скорбь, писали либо сухо-теоретические, почти педантические, скорее социологические диссертации, чем романы (Род, Маргерит), либо невероятную сентиментальную пошлость, лгущую и замыслом, и словами, и тоном, и действием.

Литература не может быть сама по себе. Она — отражение жизни. Если один писатель на востоке Европы подходит к проститутке, надрываясь по ней предвзятою скорбью уже за то, что она проститутка, а другой — на западе — на ту же самую проститутку смотрит с совершенно спокойною совестью, буде у нее не гниет тело от сифилиса и туберкулеза, — очевидно, не сами же по себе столь различны эти писатели своими совестями, а ведет их совести разными путями разная жизнь на Востоке и Западе, жизнь, из которой оба писателя органически возникли, чтобы отражать ее явления в зеркале своих дарований. Когда Ломброзо установил драгоценную для буржуа гипотезу о специальной расе преступников и проституток, Запад встре-